

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-96-108
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Венеция Леонида Пастернака (1904)

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье, написанной в жанре «интеллектуального краеведения», позволяющем органично соединить внимательное отслеживание конкретной человеческой судьбы и точное понимание подвижного культурно-географического контекста, исследуются обстоятельства первого посещения Италии в мае – июне 1904 г. русским художником Леонидом Осиповичем Пастернаком (1862–1945), отцом поэта Бориса Леонидовича Пастернака. В отличие от «итальянского путешествия» старшего сына Бориса (1912), хорошо известного литературоведам по стихотворению «Венеция» (в двух редакциях: 1913 и 1928 гг.) и «венецианским главам» мемуаров «Охранная грамота» (1931), подробности поездок Леонида Пастернака в Италию (1904, 1912, 1923) остаются практически неизвестными исследователям. Автор статьи полагает, что сохранившиеся материалы о пятидневном пребывании Леонида Пастернака в Венеции в 1904 г. дают возможность реконструировать особенности самоидентификации художника Леонида Пастернака. В статье приводятся многочисленные примеры того, как выходец из русско-еврейской семьи из Одессы Л.О. Пастернак в своих мемуарах и переписке с женой – пианисткой Розалией Пастернак, подчеркивает свою «одесскую» идентичность, имеющую многочисленные параллели с идентичностью «венецианской». Современная Венеция представляется «южанину» Леониду Пастернаку итальянским аналогом родной Одессы. Подобная самоидентификация Пастернака-старшего объясняется автором статьи не только одесским происхождением Л.О. Пастернака и фактом его долгого проживания в многонациональном южно-российском городе, но и обстоятельствами обучения в юности в Одесском художественном училище, основателями и преподавателями которого были в том числе итальянские художники и скульпторы, внесшие большой вклад в культурную историю Одессы.

Ключевые слова: философское краеведение, Италия, Одесса, путешествие, искусство, живопись, идентичность.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: *Кара-Мурза А.А.* Венеция Леонида Пастернака (1904) // *Философские науки.* 2020. Т. 63. № 7. С. 96–108.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-96-108

Leonid Pasternak's Venice (1904)

A.A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article (written in the genre of “intellectual area studies,” which allows to organically combine careful tracking of a specific human destiny and an accurate understanding of variable cultural and geographical contexts) examines the circumstances of the first visit to Italy in May–June 1904 by Russian artist Leonid Osipovich Pasternak (1862–1945), the father of the poet Boris Leonidovich Pasternak. Unlike the B.L. Pasternak’s “Italian journey” (1912), well known to literary scholars from the poem “Venice” (in two editions: 1913 and 1928) and the “Venetian chapters” of the memoirs *Safe Conduct* (1931), the details of Leonid Pasternak’s journeys to Italy (1904, 1912, 1923) remain practically unknown to researchers. The author of the article believes that the surviving materials about Leonid Pasternak’s five-day stay in Venice in 1904 make it possible to reconstruct the peculiarities of the self-identification of the artist Leonid Pasternak. The article provides numerous examples of how L.O. Pasternak, a descendant of a Russian-Jewish family from Odessa, in his memoirs and correspondence with his wife, pianist Rosalia Pasternak, emphasizes his “Odessa” identity, which has numerous parallels with the “Venetian” identity. Modern Venice appears to the “Southerner” Leonid Pasternak as an Italian analogue of his native Odessa. The author demonstrated that such self-identification of L.O. Pasternak is explained not only by the fact of his Odessa origin and long residence in a multinational South Russian city but also by the circumstances of his youth studies at the Odessa Art School, whose founders and teachers were, among others, Italian artists and sculptors, who made a great contribution to the cultural history of Odessa.

Keywords: philosophical area studies, Italy, Odessa, travel, art, painting, identity.

Alexei A. Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2020) Leonid Pasternak's Venice (1904). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 7, pp. 96–108. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-96-108

Вместо введения

Жанр «интеллектуального краеведения», позволяющий органично соединить внимательное отслеживание конкретных человеческих судеб и точное понимание подвижного культурно-географического контекста, прочно закрепился в отечественной литературе non-fiction (см.: [Кара-Мурза 2015; Кара-Мурза 2016; Кара-Мурза 2017; Кара-Мурза 2018]). Жанр этот оказывается особо плодотворным в отношении литераторов и художников, в первую очередь, – философствующих. Русско-еврейская семья Пастернаков, давшая России и миру по меньшей мере три бесспорных таланта (художника Леонида Осиповича, пианистку Розалию Исидоровну и их сына – поэта Бориса Леонидовича Пастернака) – наглядный тому пример.

В становлении людей искусства, в том числе россиян, Италия сыграла огромную роль. И так получилось, что среди других великих итальянских городов Венеция заняла особое место. Именно она для русского путешественника чаще всего становилась первым открытием Италии – в силу своей географии и кажущейся (и часто обманчивой) «легкости восприятия».

Есть у Венеции уникальное свойство: мгновенно и глубоко взбудоражить воображение и спровоцировать в человеке то, что принято называть «творчеством». Это потом выяснится, что «родиной творчества» является все-таки Флоренция (об этом хорошо написал Бердяев), а родиной историософии – конечно же, Рим (согласно Гоголю или Герцену). Однако первое «чувство Италии» в пришельцах с Севера, будь то русские или англичане, пробуждает именно Венеция. Иначе говоря, «философом» человека делают Рим, Флоренция, а иногда даже Неаполь. Но человека «просто философствующего» из путешественника делает именно «Venezia la bella».

Тема «Венеция Пастернака» неплохо разработана не только в отечественной, но и в мировой литературе [Гаспаров, Поливанов 2015; Меднис 1999; Москалева 2009; Соболева 2010; Сергеева-Клятис 2018; Чудова, Толова 2007; Эванс-Ромейн 1997]. Речь, разумеется, идет о Борисе Пастернаке, «Пастернаке-младшем», и о его поездке в Италию, к родителям, в августе 1912 г. Этот короткий вояж оставил нам две редакции знаменитого стихотворения «Венеция» («Я был разбужен спозаранку») – в редакциях 1913-го [Пастернак Б. 1989, 435] и 1928-го [Пастернак Б. 1989, 56] годов. Но, возможно, еще бóльшую известность получили великолепные «венецианские» страницы из второй части мемуарной книги Бориса Пастернака «Охранная грамота» [Пастернак Б. 1991]¹. Мне и самому пришлось много писать на тему венецианских приключений Бориса Пастернака 1912 г. в двух изданиях моей книги «Знаменитые русские о Венеции» [Кара-Мурза 2001; Кара-Мурза 2019а].

В данной же статье речь пойдет о путешествии в Венецию *другого Пастернака* – «Пастернака-старшего», отца поэта, художника-академика Леонида Осиповича.

Впервые в Италии

Леонид Осипович (Исаак Иосифович) Пастернак (1862, Одесса – 1945, Оксфорд) трижды бывал в Венеции – в 1904, 1912 и 1923 гг. В своей мемуарной книге «Записи разных лет» он вспоминал, что еще с юности, «чуть ли не со времен Одесской рисовальной школы», мечтал попасть в Италию: «Но ехать туда художнику надо обязательно на продолжительный срок – на это у меня в те годы не было ни средств, ни свободного времени; потому поездка в Италию каждый раз отодвигалась “на будущий год”. И сколько же таких “будущих годов” у меня накопилось!» [Пастернак Л. 1975, 67]

И вот, наконец, мечта сбылась. Весной 1904 г. в Дюссельдорфе должна была открыться Международная художественная выставка, и организаторы пригласили Л.О. Пастернака стать «комиссаром» русского отдела: «Я был приглашен устроителем этой выставки – организовать и “представлять” на этой выставке отдел русского искусства (живописи и скульптуры). Это приглашение и послужило поводом к поездке – сначала в Германию на выставку, по обязанности, а затем – в Италию!» [Пастернак Л. 1975, 67].

¹ Вторая часть ранних мемуаров Б.Л. Пастернака «Охранная грамота» впервые появилась в журнале «Красная новь» (1931. № 4). В том же году «Охранная грамота» вышла в Ленинграде отдельной книгой.

Леонид Пастернак отправился тогда в Германию поездом – через Минск, Брест и Варшаву. Участниками «русского отдела» на дюссельдорфской выставке были той весной Игорь Грабарь, Виктор Борисов-Мусатов, Сергей Виноградов. Был представлен на выставке и Валентин Серов – сам он тогда, кстати, путешествовал с женой по Италии.

А после Дюссельдорфа Пастернак двинулся – через Берлин, Дрезден и хорошо знакомый ему Мюнхен² – в вожделенную Италию: «Я уж думал, что просто не доживу – собирался ведь 42 года, и теперь прямо стыдно где-нибудь сознаться, что художник не был там, где родина искусства!» [Пастернак Л. 2017, 405]. Узнавший о планах Пастернака Игорь Грабарь, бывавший в Италии неоднократно, не удержался тогда от восклицания: «Однако, какой Вы порядочный человек, Вы не стесняетесь говорить правду, что не были до сих пор в Италии, другой бы даже соврал...» [Пастернак Л. 2017, 405].

И вот, наконец, поезд «Вена – Венеция», который многие годы исправно доставлял сотни наших соотечественников на берега Адриатики: «В одну из теплых летних ночей, уставший за целый день езды в душном вагоне, я подъезжал в начале июня 1904 года (если быть точным, в ночь с 24 на 25 мая по григорианскому календарю. – А. К.) к Венеции...» [Пастернак Л. 1975, 67].

Дорожные картины скорее разочаровали нетерпеливого путешественника: «Из расхваленной и неописуемой красоты итальянских пейзажей, признаться, я ничего за целый день езды не увидел, кроме станционных будничных зданий и пыльных участков земли с деревьями, перевитыми гирляндами дикого винограда. Несмотря на усталость, я жадно вглядывался в эти участки, ища обещанных апельсиновых рощ и зреющих лимонов, – увы, напрасно! Все те же станционные сараи и тощие запыленные деревья, обвитые серым плющом» [Пастернак Л. 1975, 67].

Но вот: «Какая-то дамба (соединившая еще в XIX в. Венецию с материком. – А. К.), мы едем по ней; справа и слева – вода; начинается что-то вроде сна... Венеция. Вокзал (Санта-Лючия в начале Большого канала. – А. К.). Поздно... Спасибо соседу моему – он видит мою усталость и сонливую растерянность, подзывает “извозчика”, но тут их нет! Это он уговаривается с гондольером!

² В середине 1880-х гг. Леонид Пастернак занимался в Мюнхенской академии художеств, где учился у выдающихся художников и педагогов Иоганна Каспара Гертериха и Александра Лицен-Майера.

Гондольер берет мои вещи, я схожу по широкой лестнице и сажусь в колеблющуюся гондолу – и это уже действительность, а не бутафория; сон становится явью...» [Пастернак Л. 1975, 67].

Пастернак-старший заранее забронировал тогда номер в отеле «Capello Nero», в районе церкви San-Salvador³. В гондоле рядом с ним оказались двое попутчиков-французов. На следующий день, 25 мая, Леонид написал жене Розалии Исидоровне, оставшейся дома с четырьмя детьми, старшему из которых, Борису, недавно исполнилось четырнадцать: «Мы трое (еще два француза в гондоле со мною) пробирались плавно, таинственно по уснувшему, мертвому городу, почерневшему от времени, и, скользя по узким уличным каналам... Мы все плавно огибали улицы и грязные переулки с такой художественной и живописной, “как будто не-настоящей”, а нарочно, как в сказках сделанной, внешностью, что казалось, что весь этот город, если его можно было так назвать, – одна сказка» [Пастернак Л. 2017, 405–406].

Венецианские гондольеры, возившие гостей по Canale Grande от вокзала в район площади San-Marco, обычно, срезая путь, сворачивали налево перед Fondaco dei Tedeschi⁴ – в узкий каналчик: «Гондола скользит между подымающимися прямо из воды спящими домами и какими-то полосатыми столбами; палаццо с черными зияющими открытыми окнами, а кое-где со спущенными оранжевыми портьерами – очень декоративным мотивом для живописи – обступают канал. Гондольер плавно, бережно и молча скользит в узких каналах, и вдруг, как крик совы, из тишины ночи вылетает окрик его, чтобы легче разъехаться на углах канала. Вот гондола тихо подплывает к ступеням лестницы отеля. Все похоже на сон, но я вовсе не сплю, наоборот, широко раскрыв глаза, смотрю, чтобы лучше разглядеть всю эту, ни на

³ Достаточно скромная во времена Пастернака гостиница «Capello Nero», официально существующая с 1600 г., ныне превратилась в пятизвездочный «Splendid Venice Starhotel».

⁴ Огромное здание Fondaco dei Tedeschi было построено еще в XIII в. как подворье для проживания немецких (*tedeschi*) торговцев и хранения их товаров. Для русской истории это палаццо, интерьеры которого расписывали Веронезе, Тициан и Тинторетто, интересно тем, что здесь в 1603–1604 гг. жил будущий крестьянский вождь Иван Болотников. Попав в плен к крымским татарам, он был продан в плен туркам, трудился гребцом на галере. Болотников был освобожден немецким кораблем, привезен в Венецию, где прожил год на немецком подворье, хорошо выучив язык.

что раньше виденное не похожую, сказочную действительность...» [Пастернак Л. 1975, 67–68].

Венеция как... итальянская Одесса

Уже в своих первых письмах из Венеции жене и детям Леонид Пастернак высказывает парадоксальную мысль, которая будет затем навязчиво преследовать его все пять дней пребывания в городе на Адриатике: Венеция напомнила ему... родную Одессу!

Это «открытие» случилось в первый же день во Дворце дождей, когда Пастернак, «усталый от созерцания венецианских мастеров», подошел к открытому окну большого зала Палаццо Дожей и, выглянув из него, увидел «этот солнцем залитый рейд, это множество остроносых сонных кораблей, эти оранжево-красные черепичные крыши внизу, когда повеяло этим особенным запахом моря»: «Что-то давным-давно знакомое, родное охватило меня... «Да это ведь мое детство!»... Одесса... порт, эстакада... “Пересыпь”, куда ходили купаться. То же горячее солнечное утро, летний стоячий зной, те же одесские глиняные красноватые черепицы домов и домиков, раскаленные на солнце, тот же штиль уснувшего залива, те же иглы мачт бесчисленных парусных кораблей и дальние гудки пароходов – всё, что меня завораживало, когда на спуске я мальчиком стоял и глядел вдаль» [Пастернак Л. 1975, 23].

Леонид Пастернак потом хорошо описал в мемуарах свое потрясение: оказывается, Венеция, пусть бессознательно, все эти годы была неотъемлемой частью его идентичности! «И когда я отошел от окна огромной залы Палаццо Дожей и снова взглянул на колоссальный холст “Рая” Тинторетто, на плафон Веронезе, на “Шествие во Храм” Тициана – все эти итальянские мастера показались мне как-то связанными с моим детством, с чем-то родным, далеким и дорогим. И я понял, почему мне больше всего (кроме Рембрандта) нравятся итальянские мастера и итальянское искусство» [Пастернак Л. 1975, 23].

Одесская юность вспоминалась потом Пастернаку-путешественнику постоянно: «В Одессе, этом портовом, наполовину иностранном городе, жили греки, итальянцы, французы, турки (некоторые из них – потомки бывших пиратов). Мальчиком я играл с жившими у нас во дворе (в новом флигеле) детьми итальянской семьи Кавасс-Поццо. Я тогда не чувствовал, конечно, что живу в атмосфере чего-то итальянского...» [Пастернак Л. 1975, 23].

Однако в Одесской художественной школе (Школе рисования), куда поступил юноша Пастернак, чувство сопричастности Италии и ее искусству усилилось (см.: [Одесская... 2015]). Леонид Осипович всегда с благодарностью вспоминал основателя Школы, выходца из Кремоны, академика Императорской академии художеств Франческо (Франца Осиповича) Моранди, который, уехав на закате жизни из России, скончался в 1893 г. в итальянском Фиуме, но завещал похоронить себя в Одессе [Краснова, Дроздовский 2015, 5].

Особенно полюбил юноша Пастернак своего школьного наставника, тоже ломбардца Луиджи Домениковича Иорини, выпускника Миланской академии художеств: «Высокий, коренастый милый старик, точно из времен Ренессанса... Холостой, одинокий, он был один со своей скульптурой. Только мрамор и молот – мир его, да трубка во рту. Он любил учеников, как отец, прожил большую часть жизни в России, но так и не научился говорить по-русски» [Пастернак Л. 1975, 23]. Синьор Иорини приехал в Одессу в 1869 г., когда ему было уже 53 года. На здании Одесской городской думы (здание Старой биржи на Думской площади), в боковых нишах слева и справа от колонн размещены скульптуры Меркурия (бога торговли) и Цереры (богини плодородия), выполненные Иорини. Умер и похоронен этот «русский итальянец» тоже в Одессе [Краснова, Дроздовский 2015, 5].

Ценил и уважал Леонид Пастернак и своего однокашника по Школе рисования – Марка Луиджи Молилари, называвшего себя потомком Гарибальди: «Молилари, уже говоривший по-русски, но малограмотный, был подлинным каменотесом – глина, стилет и глыба мрамора были его родной стихией. Молилари исполнил мой портрет, гипсовый бюст, который находился у сестры моей» [Пастернак Л. 1975, 23]. Уже в начале нового века Марк Молилари стал известным в Одессе скульптором, создавшим, помимо прочего, грандиозный по размерам временный памятник Петру I для проведения торжественного парада (20 июня 1909 г.) на одесском «Куликовом поле» в честь 200-летия Полтавской битвы [Краснова, Дроздовский 2015, 5]⁵.

⁵ В одесской Школе рисования в 1870–1872 гг. занимался и М.А. Врубель, чье творчество впоследствии будет тоже тесно связано с Венецией [Кара-Мурза 20196]. Леонид Пастернак полагал, что «пристрастие Врубеля к итальянскому Ренессансу в известной мере было... следствием его пребывания в этой полуитальянской школе» [Пастернак Л. 1975, 23].

28 мая 1904 г. Леонид Пастернак написал жене Розалии Исидоровне (тоже, как мы знаем, одесситке по рождению) письмо на бланке гостиницы «Capello Negro», где подробно и несколько сумбурно рассказал о своих ощущениях от Венеции: «Она мне так Одессу напоминает, что даже просто смешно сравнивать! Вчера я при луне после обеда (играет музыка на площади и на главной набережной) хожу, вдыхаю этот особенный морской запах, что в Одессе, помнишь, вспоминаю этих горлающих итальянцев с шляпой на затылке, жестикулирующих, шляющихся без дела, Бог знает зачем, в это кафе – и мне Фанкони (кафе в Одессе, на углу Ланжероновской и Екатерининской улиц. – *А. К.*) и одесские биржевики-пшеничники вспоминаются; по улицам и из этих переулков (тут улицы узкие до игрушечного, а переулки – едва пройдешь один!!) шныряют дети, грязные, оборванные, женщины в шлепанцах, как Ваша кухарка, помнишь – в шальях все, и старухи, и молодые, “расхристанные цишойберт и ефкер ди велт” (“расстрепанные и лахудры”. – *идиш.*) – ну совсем Большая Арнаутская в жаркую летнюю пору или к вечеру, когда солнце скроется и всё вывалит наружу, и стар, и млад до грудного ребенка – все это с этим морским особенным запахом – ни дать ни взять, Одесса!!» [Пастернак Л. 2017, 407] «Это, конечно, современная Венеция, – добавляет Леонид Осипович, – а не старая Венеция, которая давно уснула, умерла, и еще живым и говорящим о прежнем величии и блеске – осталось ее искусство в живописи, архитектуре и скульптуре» [Пастернак Л. 2017, 405–406].

Мечтой Пастернака в Венеции было отправиться на один из пляжей на острове Лидо и вдоволь искупаться: «Уже второй день хочу съездить на взморье (тут остров с купальнями на пляже) и выкупаться (жарко порядочно), но не могу – не успеваю, жалко времени, а когда я уже никуда не могу к вечеру, то и поехать купаться поздно. Так и не выкупаюсь, должно быть» [Пастернак Л. 2017, 410]. Один только раз удалось ему вечером съездить на Лидо и там пообедать: «Я съездил туда вчера вечером и обедал. Ресторан выходит в море, как в Ланжероне. Ей-Богу, в Одессе это не хуже. Луна восходила точно, как на Большом Фонтане...» [Пастернак Л. 2017, 410].

В мистическую связь Венеции, впервые вживую увиденную им на сорок третьем году жизни, с родной Одессой Пастернак-старший окончательно поверил, когда в одну из южных ночей гулял в одиночестве по набережной Скъявони: «В тихую лун-

ную ночь однажды стоял я, очарованный феерической красотой этой мягкой теплой ночи, ощущая удивительно знакомый запах морской травы и арбузных корок, слыша особо запомнившийся мне звук плеска гондол и лодок – стоял, углубившись в свои воспоминания, как вдруг слышу сзади себя голос узнавшего меня товарища по Школе рисования, Брицци: «Не Одесса разве? А?»» [Пастернак Л. 1975, 23]. Долго потом они оба вспоминали Одессу, Школу рисования, Моранди, Иорини, Молинари...

Об одном жалел Леонид Пастернак в Венеции – о том, что нет с ним детей и жены, которая могла бы разделить его «венедианско-одесские» переживания: «Неужели мне не удастся когда-нибудь вместе с тобой побывать за границей, и только здесь! Как я болею душой, если бы ты знала! Нужно много денег для того, чтобы вдвоем провести здесь какое-то время! Авось, Бог даст, когда дорогие наши детки чуточку подрастут...» [Пастернак Л. 2017, 408]⁶.

Вместо заключения

31 мая 1904 г. Леонид Пастернак уехал из Венеции поездом на Флоренцию: «Пять дней я здесь провел – точно год, многое бросил – надо было бы еще долго здесь оставаться... Но слава тебе, Господи, и благодарение Господу, что довелось хоть поздно, но все это, наконец увидеть...» [Пастернак Л. 2017, 409, 410].

Дорога на Флоренцию опять настойчиво напоминала ему родной российский юг: «Жарко... Удивительно пейзаж и зелень напоминают юг Малороссии; хаты. Как у нас белые и крыты камышом. Только больше растительности; между деревьями в виде гирлянд всюду сплошь вьется виноград» [Пастернак Л. 2017, 410].

Проезжая Падуя, Леонид Осипович вдруг вспомнил одну подзабытую семейную легенду. Будто на рубеже XVIII–XIX вв., откликаясь на всеевропейский призыв русской императрицы Екатерины Великой активно заселять недавно отвоеванный у турок «благодатный край» – Малороссию, из итальянской Па-

⁶ Эта мечта осуществилась летом 1912 г., когда, после посещения баварского курорта Бад-Киссинген, где Розалия Исидоровна лечилась водами, семейство Пастернаков, вместе с сыном Александром и дочерьми Жозефиной и Лидией, проехали по Италии (включая Венецию), а затем отдыхали на Тирренском побережье недалеко от Пизы. На несколько дней к ним в Марина-ди-Пиза приезжал и учившийся в Марбурге Борис Пастернак.

дуи в Одессу отправились два предприимчивых брата-еврея по фамилии «Пастернак»... [Пастернак Л. 2017, 410–411]⁷.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров, Поливанов 2005 – *Гаспаров М.Л., Поливанов К.М.* «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. – М.: РГГУ, 2005.

Кара-Мурза 2001 – *Кара-Мурза А.А.* Борис Леонидович Пастернак // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Венеции. – М.: Независимая газета, 2001, С. 166–170.

Кара-Мурза 2015 – *Кара-Мурза А.А.* Флоренция В.В. Вейдле (опыт философского краеведения) // *Философские науки.* 2015. № 7. С. 45–52.

Кара-Мурза 2016 – *Кара-Мурза А.А.* Сорренто Владимира Соловьева // *Философские науки.* 2016. № 2. С. 101–116.

Кара-Мурза 2017 – *Кара-Мурза А.А.* «Ура! городу Дижону», или Пять дней в Бургундии (о короткой поездке Ивана Тургенева и Льва Толстого весной 1857 года) // *Филология: научные исследования.* 2017. № 1. С. 18–27.

Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* Рим Ивана Тургенева (1840) // *Философские науки.* 2018. № 7. С. 124–142.

Кара-Мурза 2019а – *Кара-Мурза А.А.* Борис Леонидович Пастернак // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Венеции / 2-е изд., расшир. и дополн. – М.: изд-во О. Морозовой, 2019. С. 295–299.

Кара-Мурза 2019б – *Кара-Мурза А.А.* Михаил Александрович Врубель // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Венеции / 2-е изд., расшир. и дополн. – М.: изд-во О. Морозовой, 2019. С. 217–228.

Краснова, Дроздовский 2015 – *Краснова Е., Дроздовский А.* Итальянцы в Одессе // *Мигдаль Times,* 2015, № 133. С. 5.

⁷ В 1921 г. Леонид Осипович Пастернак вместе с женой и дочерьми уехал на лечение в Германию. Однако после операции Пастернака семья не вернулась в СССР. В 1923 г. Л.О. Пастернак в третий (и последний) раз оказался в Венеции. В «Записях разных лет» он вспоминал: «Я принял участие в художественной экспедиции по Палестине и возвращался домой пароходом с заходом в Венецию. Огромный наш пароход стоял на рейде. Более двух часов длилась стоянка. Почти все пассажиры сошли на берег. Из опасения, что, пережив за эти двадцать лет слишком многое, я по-иному буду смотреть на Венецию или что все давнишние венецианские впечатления вдруг потеряют для меня свою прелесть, я на берег не сошел; я предпочел глядеть на дорогой мне город с борта громады – парохода, перед которым венецианские дома и палаццо оказались маленькими, детскими, чем-то игрушечным... Сквозь слезы глядел я, пока пароход не снялся с якоря и не пошел на Триест... Так Венеция навсегда скрылась от меня...» [Пастернак Л. 1975, 68].

Меднис 1999 – *Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 1999.

Москалева 2009 – *Москалева А.Е.* Две Венеции Бориса Пастернака // *Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.* / ред. О.Б. Лебедева, Н.Е. Меднис. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 491–498.

Одесская... 2015 – *Одесская художественная школа. Воспоминания бывших учеников, 1865–1940* / сост. О.М. Барковская, ред. И.С. Шелестович. – Одесса: Изд-во национальной научной библиотеки, 2015.

Пастернак Б. 1989 – *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы. 1912–1931 // *Пастернак Б.Л.* Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1989.

Пастернак Б. 1991 – *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // *Пастернак Б.Л.* Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Повести; статьи; очерки. – М.: Художественная литература, 1991. С. 149–239.

Пастернак Л. 1975 – *Пастернак Л.О.* Записи разных лет. – М.: Советский художник, 1975.

Пастернак Л. 2017 – *Пастернак Л.О.* Письма к Розе – невесте и жене. – М.: Азбуковник, 2017.

Соболева 2010 – *Соболева О.В.* Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // *Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология.* 2010. № 5 (11). С. 184–188.

Сергеева-Клятис 2018 – Сергеева-Клятис А.Ю. Две «Венеции» Бориса Пастернака // *Арион.* 2018. № 3. С. 104–113.

Чудова, Толова 2007 – *Чудова О., Толова Г.Н.* Венеция в поэзии Серебряного века: мотивы жизни и смерти // *Мировая литература в контексте культуры.* 2007. № 2. С. 251–256.

Эванс-Ромейн 1997 – *Эванс-Ромейн К.* Стихотворение Б. Пастернака «Венеция» и традиции немецкого романтизма // *Литературный текст: проблемы и методы исследования* / ред. И.В. Фоменко. – Тверь: ТГУ, 1997. С. 105–113.

REFERENCES

Chudova O. & Tolova G.N. (2007) Venice in the Poetry of the Silver Age: Motives of Life and Death. *Mirovaya Literatura v Kontekste Kul'tury*. No. 2, pp. 251–256 (in Russian).

Evans-Romaine K. (1997) B. Pasternak's Poem *Venice* and the Traditions of German Romanticism. In: Fomenko I.V. (Ed.) *Literary Text: Problems and Research Methods* (pp. 105–113). Tver: Tver State University (in Russian).

Gasparov M.L. & Polivanov K.M. (2005) “*Twin in the Clouds*” by Boris Pasternak: *Commenting Experience*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2001) Boris Leonidovich Pasternak. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Venice* (pp. 166–170). Moscow: Neza-visimaya gazeta (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2015) V.V. Veidle's Florence (An Essay on the Philosophical Area Study). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 7, pp. 45–52 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016) Vladimir Soloviev's Sorrento. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 2, pp. 101–116 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017) "Hooray! Toward the city of Dijon," or Five days in Burgundy (On a Short Trip of Ivan Turgenev and Leo Tolstoy in the Spring of 1857). *Filologiya: Nauchnye issledovaniya*. No. 1, pp. 18–27 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2018) Ivan Turgenev's Rome (1840). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 7, pp. 124–142 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2019a) Boris Leonidovich Pasternak. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Venice* (2 ed.; pp. 295–299). Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2019b) Mikhail Alexandrovich Vrubel. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Venice* (2 ed.; pp. 217–228). Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Krasnova E. & Drozdowski A. (2015) Italians in Odessa. *Migdal Times*. No. 133, p. 5 (in Russian).

Mednis N.E. (1999) *Venice in Russian Literature*. Novosibirsk: National State Pedagogical University Press (in Russian).

Moskaleva A.E. (2009) Two *Venice* Poems by Boris Pasternak. In: Lebedev O.B. & Mednis N.E. (Eds.) *Images of Italy in Russian literature of the 18th–20th Centuries* (pp. 491–498). Tomsk: Tomsk University Press (in Russian).

Pasternak B.L. (1989) Verses and Poems, 1912–1931. In: Pasternak B.L. *Collected Works in 5 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Pasternak B.L. (1991) Safe Conduct. In: Pasternak B.L. *Collected Works in 5 Vols.* (Vol. 4, pp. 149–239). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Pasternak L.O. (1975) *Notes of Different Years*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Pasternak L.O. (2017) *Letters to Rosa, a Bride and Wife*. Moscow: Azbukovnik (in Russian).

Sergeeva-Klyatis A.Yu. (2018) Two *Venice* Poems by Boris Pasternak. *Arion*, No. 3, pp. 104–113 (in Russian).

Shelestovich I.S. (Ed.) (2015) *Odessa Art School. Memoirs of Former Students, 1865–1940*. Odessa: National Scientific Library Publishing (in Russian).

Soboleva O.V. (2010) Venetian Text in Modern Russian Literature: Continuation and Overcoming of the Tradition. *Bulletin of the Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*. No. 5 (11), pp. 184–188 (in Russian).